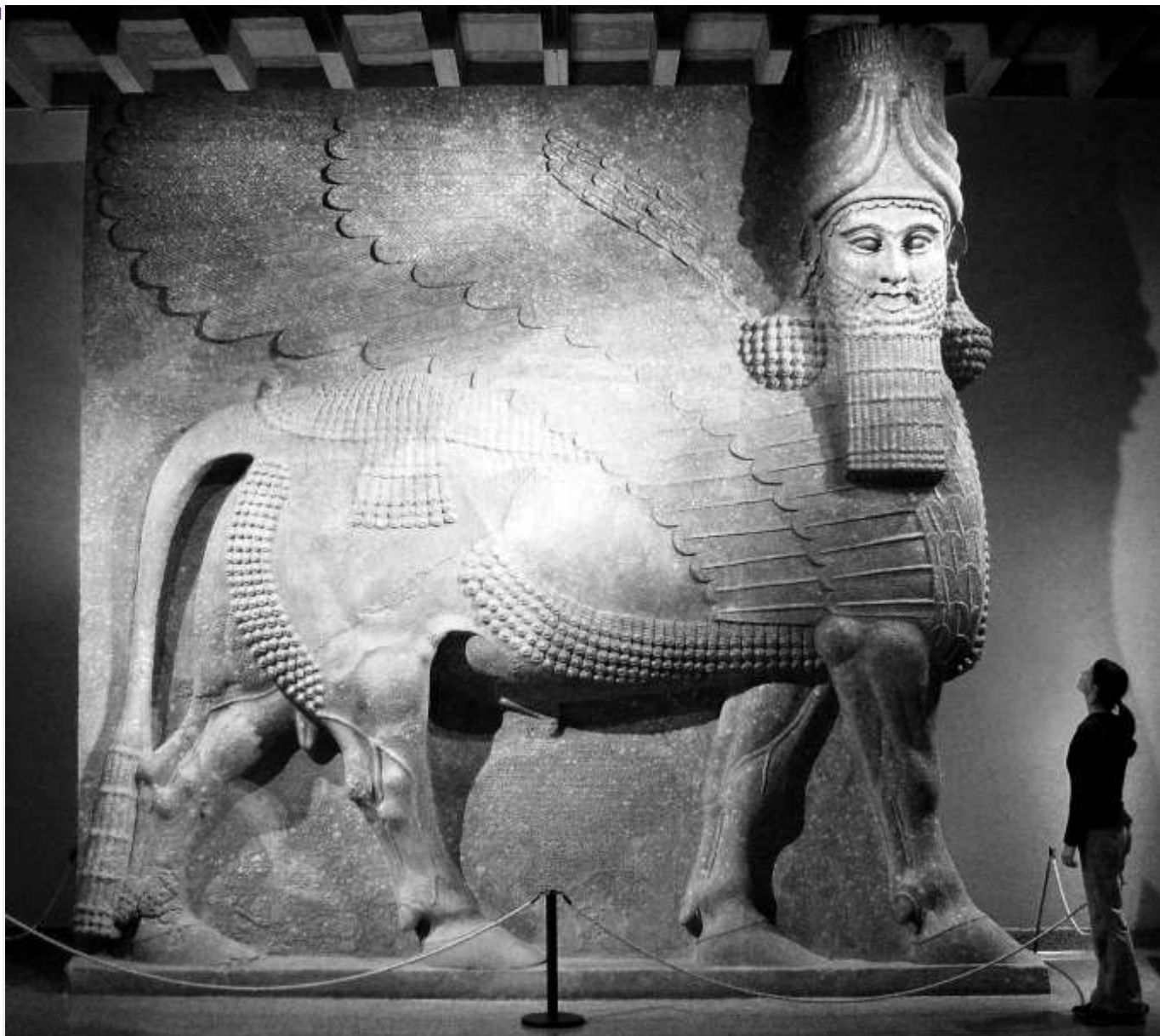

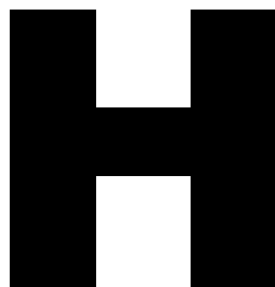

«Ламассу» или «шеду» - быки с крыльями птицы и с головой человека, который, по мнению древних ассирийцев, защищают дворец царя от враждебных сил.

Алексей Кива, доктор исторических наук | Москва

КАК БЫТЬ **КРЕПКИМ,** **ПРАВИЛЬНЫМ,** **СПРАВЕДЛИВЫМ?**

ПОНЯТИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ.

Несмотря на колоссальный научно-технический прогресс и достижения в гуманитарной сфере в последние десятилетия, жизнь человека как в развивающихся, так и развитых странах не становится безопасной. Поэтому не случайно проблема безопасности человека оказалась в

центре внимания российских ученых. Институт востоковедения Российской Академии наук (ИВ РАН) при участии ученых из других российских и зарубежных центров посвятил этой острой и многогранной проблеме уже два форума. Цель - исследовать проблему безопасности в самом широком ее понимании и контексте на разных континентах, причем в триединых ипостасях: безопасность человека, общества и государства. И уже под редакцией руководителя Центра исследований общих проблем стран Востока Сергея Панарина вышел первый сборник «Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур» (Санкт-Петербург, 2012, 296 с.).

Во вводной статье Сергея Панарина и доцента Южно-Казахстанского государственного педагогического института Айгуль Есимовой под названием «Дискурсивный анализ безопасности: дефиниция как элемент культуры» дается на этот счет обстоятельный анализ на примере понятий «безопасность» в России, «security» - в Британии и США и «Sicherheit» - в Германии. Если говорить очень коротко, то в России, по словарю С.И. Ожегова, безопасность – это состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности; синонимами этого слова являются «надежность», «защищенность», «устойчивость», «сохранность», «безвредность». В британском понимании безопасность предполагает безопасность совместно с защитой или защищенностью и меру этой защищенности. В немецком понимании нет указания на меру защищенности, но указывается на риск, который неприемлем, неоправдан, чрезвычайно высокий, от которого трудно защититься.

В рассматриваемом сборнике дается представление о том, как понимают безопасность разные народы и в разные времена. Так, например, сотрудники Института востоковедения РАН (ИВ РАН) Галина Колганова и Анастасия Петрова рассматривают вопрос о том, как люди понимали безопасность еще в Древней Месопотамии и Древнем Египте. Так, в Месопотамии в основе концепции безопасности государства были такие понятия, как «быть крепким, прочным»; «быть правильным, истинным»; «быть ровным, прямым»; «быть справедливым, милостивым»; «быть целым, невредимым».

Безопасность государства в Древнем Египте тоже неотделима от справедливости, но также порядка в стране и победоносных войн. Субъектом безопасности в государстве был древнеегипетский царь как посредник между богом и народом, при том что и сам он считался божеством. Безопасность олицетворяли «мир, спокойствие, умиротворенность».

В современной Монголии парное опасность - безопасность имеет свою окраску, хотя термин «безопасность» в политическом значении пришел из России. Профессор Монгольского государственного университета науки и технологии Нямаа Галиймаа подчеркивает, что внешняя опасность многим видится со стороны Китая, в состав которого страна входила до 1922 года и присутствие которого в настоящее время очень ощутимо в стране. Другой профессор из того же университета, Тудэв Батбаяр, напоминая об истории Монголии, которая находилась между двумя могущественными государствами - Китаем и Россией, подчеркивает, что «в сознании монгольского народа понятие «безопасность» оказалось в значительной степени синонимом понятия «независимость». Тем не менее, концепция безопасности выстроена в современном духе. На первом месте стоит личная безопасность, на втором – безопасность общества и на третьем – безопасность государства.

Чрезвычайно интересна статья итальянского профессора Университета города Бергамо Уго Перси под названием «От Сенеки до PUBBLICA SICUREZZA: эволюция понятия «безопасность» в итальянской культуре». Он с самого начала говорит о различиях в понимании безопасности в Италии и России. В Италии безопасность идет от человека к государству, а в России – как раз наоборот. *(Что, с моей точки зрения, является вещью вполне объективной, поскольку Россия, или Русь, находилась в окружении кочевых племен, которые постоянно угрожали ее суверенитету и в итоге почти на 300 лет поставили ее в зависимость от созданного ими государства. Что оставило в коллективной памяти народа понимание безопасности как сильного государства, способного оградить его от новых завоевателей. Этому же способствовала и гитлеровская агрессия.)*

«В русском слове (безопасность - А.К.) фокус передаваемого им понятия, - считает У.Перси, - находится **вне** человека, представлен внешней опасностью, в латинском он находится в человеке, опасаясь потерять свой покой. Вследствие этого латинское слово приобретает более внутреннее, личное, я бы даже сказал, более душевное значение, чем русское».

А дальше Перси говорит о том, что, наверное, характерно для всех времен и народов. В условиях слабой власти, социальных катаклизмов, хаоса, и разрухи на народ с разных сторон надвигаются угрозы. Поэтому он жаждет сильной власти, которая навела бы порядок в стране, и очень радуется, что такая власть наконец появилась. Однако проходит время, и опасность появляется уже со стороны самой власти. Ссылаясь на известного римского философа Л.А. Сенеки, Перси говорит: «После исчезновения республиканского строя (в Древнем Риме - А. Кива) и установления принципатата Августа бурные времена закончились, гражданский мир вновь воцарился в государстве, благосостояние распространялось в народе – в ущерб, однако, его свободе».

А чем кончилось? Пришел к власти известный нам из школьных учебников Нерон, который умертвил своего наставника - того самого Сенеку, раздражавшего его нравственными поучениями, и ради потехи поджег Рим. Перси рассматривает также ситуацию в Италии в новейшее время и делает неоспоримый вывод: безопасность неотделима от свободы. То есть от демократического устройства государства, в котором реально действует принцип разделения властей, что исключает возможность появления диктатора или автократа.

Не менее интересна и статья профессора Российского государственного гуманитарного университета Александра Мещерякова «Эволюция концепции безопасности Японии XVII – первая половина XX века». Япония, как известно, уже дважды удивила мир. Первый раз это произошло после революции «Мэйдзи» (что в переводе с японского «революция – реставрация») в 1868-1973 годы, когда, с одной стороны, было покончено с правлением самураев и проведены буржуазные реформы, а с другой стороны, восстановлено правление императора. До этого с 1603 года правили самураи во главе рода Токугава, которые покончили с нескончаемыми войнами милитаристских кланов и установили в стране строгий порядок и спокойную жизнь для народа.

Но милитаризованная страна, оттачивая тактику ведения войн и боевые искусства, оказалась в глубокой изоляции и сильно отстала от стран Запада. На момент революции «Мэйдзи» Япония не знала индустриализации, и главным оружием самураев был конь, лук и меч. Но перед лицом опасности со стороны западных стран, которые уже начали колонизацию соседнего Китая, японцы поняли, что бывшая их безопасность, которую раньше гарантировало положение островной страны, кончилась и совершили чудо - при жизни одного поколения создали такую военную мощь, которая дала им возможность выиграть войну с Китаем (1894-1895 годы), а затем и с Россией в 1904-1905 годы.

А уже на глазах многих ныне живущих произошло «экономическое чудо».

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Разрушенная в ходе Второй мировой войны Япония примерно за такой же срок сумела превратиться во вторую экономику мира. *Вот что значит мобилизации всех сил и средств народа для прорыва в новое качество страны и общества!* Профессор Мещеряков подробно описывает, как по-разному понималась безопасность при правлении самураев и после революции «Мэйдзи». В двух словах, на смену ценностей изоляционизма пришли ценности экспансионизма и агрессии.

Безопасность может быть поставлена под угрозу и там, где имеется острый дефицит воды. Об этом в статье «Противоречия безопасности на примере водно-энергетическим проблем Центральной Азии» пишут сотрудник ИВ РАН Екатерина Борисова и уже упоминаемый С. Панарин. А суть противоречий в том, что страны, находящиеся в верхнем течении основных рек Центральной Азии Амударья и Сырдарья (Кыргызстан и Таджикистан), располагают большими водными ресурсами, а страны нижнего течения этих рек (Узбекистан, Туркмения и Казахстан) обладают крупными запасами энергоносителей, но малыми водными ресурсами. Казалось бы, можно гармонизировать отношения на почве обмена ресурсами (что, кстати, и делалось в советские времена), но ныне это не всегда удается. В результате страдают те и другие страны, хотя и в разной степени.

Научный сотрудник ИВ РАН Сергей Дмитриев рассматривает проблему безопасности в Китае. Чтобы не вдаваться в сложную китайскую терминологию, с помощью которой передается понимание безопасности в Поднебесной, ограничимся выводом автора. Он подчеркивает, что безопасность отдельно взятого человека мыслится лишь в составе социума, и задача государства состоит в том, чтобы обеспечить более или менее комфортную жизнь подданных. И далее он говорит, что все это «неплохо иллюстрирует этатистскую, антииндивидуалистическую сущность современного китайского государства и политического дискурса, равно как и преемственность этого дискурса традиционной китайской государственной философии, которая очень явно ощущается в современной КНР, несмотря на коммунистическую риторику».

Допустим, так это и есть. Только понимание китайцем себя как части малого коллектива и всего общества и очень дорожающего о себе мнением других – это одна из составляющих беспрецедентно быстрого развития современного Китая, во много раз обогнавшего своего бывшего «старшего брата» (Россию как правопреемницу СССР) по уровню ВВП и в десятки раз – по выпуску продукции высоких технологий.

А что касается коммунистической риторики, то, во-первых, она нигде не звала и не зовет к индивидуализму, напротив, акцентирует идею коллективизма, а во-вторых, особого влияния в нынешнем Китае коммунистическая идеология как таковая не имеет. Компартия Китая, по сути, является мотором буржуазных реформ и давно уже не мотивирует свою деятельность коммунистической идеей.

С безопасностью напрямую связана и проблема воздуха, которым дышит человек. В Китае, как известно, эта проблема приобрела особо острый характер. Бывают такие дни, что в Пекине нечем дышать. Впрочем, и загрязнение водоемов приняло опасные масштабы. Это не единственная, но одна из причин, по которой Китай стал форсировать строительство атомных электростанций. Ведь и по сей день 70 процентов используемой в Китае энергии дает уголь. Эта проблема рассматривается сотрудником ИВ РАН Татьяной Тутновой в статье «Развитие атомной промышленности в КНР: новый курс – новые риски».

Представляет большой интерес понимание безопасности в странах буддийской культуры. Этой проблеме на примере Мьянмы (Бирмы) посвящена статья доцента Института стран Азии и Африки при МГУ Алексей Кириченко «Коннотации и приоритеты безопасности в бирманской культуре в исторической перспективе». Эту статью лучше было бы прочитать, чем вкратце пересказывать, насколько

она интересна для мало что знающих в своем большинстве о Мьянме россиян.

В традиционном понимании для бирманцев правитель (государь), с одной стороны, является гарантом безопасности, но с другой стороны, согласно каноническим буддийским текстам, правители и вообще любые носители власти – это опасность. У бирманцев весьма длинный список опасностей, включая крокодила, вора, старость, болезнь, смерть, плохого государя, наводнения. Но если сгруппировать, то основными опасностями являются природные катаклизмы, власть, враждебно настроенные люди и недоброжелатели, дикие звери и другие опасные существа, общее несовершенство существования, ложные воззрения и неблагоприятная карма.

А что является безопасностью? В современном понимании безопасность бирманцам обеспечивает власть, а в традиционном – безопасность понимается «как совокупность личных/семейных и групповых практик, на правленных на предотвращение угрожающих человеку бед и несчастий».

Как известно, буддисты философски смотрят на вещи. Как говорит А. Кириченко, «правительство Мьянмы «позаботилось» о населении: пенсий нет, медицины тоже нет, вернее, она есть, но является одной из худших в мире. У меня про медицину много историй. Так, жители одной деревни приехали к доктору. Доктор посмотрел пациента и сказал: «ОК». Ну, они взяли больного и поехали обратно. Вернулись в деревню, а через несколько дней пациент умер. Тогда жители деревни и сказали друг другу: «А-а-а, так вот что доктор имел в виду! «ОК» значит: помрет!» История невыдуманная».

Безопасность государства в Древнем Египте тоже неотделима от справедливости, но также порядка в стране и победоносных войн. Субъектом безопасности в государстве был древнеегипетский царь как посредник между богом и народом, при том что и сам он считался божеством. Безопасность олицетворяли «мир, спокойствие, умиротворенность»...

Дело в том, что Бирма-Мьянма – очень бедная многонациональная страна с сильными сепаратистскими тенденциями, что и является одной из причин военных переворотов. В свое время Бирма была одной из активных участниц Движения неприсоединения, после военного переворота 1962 года вплоть следующего военного переворота 1988 года под руководством военных не очень удачно и в глубокой изоляции строила «бирманский социализм».

Новый военный режим был еще жестче прежнего и так же неудачно демонтировал «социализм» вплоть до своей самоликвидации и передачи власти сформированным в 2011 году гражданским органам власти. Дочь национального героя Аун Сана Аун Сан Су Чжи делает все возможное, чтобы, с одной стороны, извлечь страну от дальнейших государственных переворотов, а с другой стороны, вывести ее из изоляции и создать условия для ускорения экономического роста и на этой основе повышать запредельно низкий уровень жизни населения.

Было бы просто удивительным, если бы в сборнике не было материала по исламу, который как молодая религия ныне проявляет, выражаясь термином Л.Н. Гумилева, необыкновенную пассионарность. Если о буддизме, ламаизме, индуизме, синтоизме и ряде других религий простой россиянин мог никогда и не слышать, то об исламе он уж точно слышал.

Старший научный сотрудник ИВ РАН Раиса Шарипова в статье «Безопасность согласно Корану и Сунне» пишет, что эти священные книги предполагают три субъекта безопасности: а) между Богом и человеком; б) между мусульманами, то есть единоверцами; в) между мусульманами и иноверцами. Человек предстает как раб по отношению к Аллаху как господину. «Но раб в данном случае, - уточняет Р. Шарипова, - не является рабом в социальном плане... Он добровольно поклоняется Аллаху (или, шире, почитает Его), выполняя Его установки, такие, например, как намаз (ежедневная пятикратная молитва), пост, закят (очистительный налог), хадж (паломничество в Мекку), помощь близким, сиротам, бедным, странникам, просящим милостыню, выполнение взятых на себя обязательств, а также терпение в нужде и несчастье. Добровольное и искреннее соблюдение этих и других предписаний Аллаха, согласно Корану и Сунне, оградит верующего от наказаний и станет гарантом его безопасности и в этом, и в потустороннем мире».

В статье ведущего научного сотрудника ИВ РАН Дмитрия Миккульского рассматривается «понятие *аман* в арабско-мусульманской правовой культуре». Аман – это прописанный шариатом (свод правил поведения и наказаний для мусульман) «акт предоставления мусульманами во время войны врагу-немусульманину гарантий безопасности его жизни и имущества». Предписания *амана* распространялись и на междоусобные войны. Предписывались, но, увы, не всегда соблюдались.

Для меня однако остался не проясненным один вопрос. С. Шарипова пишет, что «пророк Мухаммад научил мусульман золотому принципу: желай для брата своего того же, что желаешь для себя...». Далее она говорит о том, что ложны утверждения исламофобов о жестокости воинственности, которые адресуются исламу. Я готов

этому верить. Но я не могу эти утверждения совместить с тем, как ведут по отношению друг к другу, например, шииты и сунниты: взрывают храмы, убивая невинных людей, включая стариков, женщин и детей, что, например, постоянно происходит в Ираке. К террору в наше время прибегают и христиане, например, в Северной Ирландии (католики и протестанты), но детей не убивали.

Возможно, жестокость связана не столько с религией, сколько с уровнем развития того или иного народа, особенностями его ментальности и политической культуры? Или же исламом прикрываются изуверы, садисты, ничего общего не имеющие с этой религией? А, если речь идет о террористах-смертниках, включая женщин, убивающих ни в чем не повинных людей, то, может быть, мы имеем дело с людьми, которые подверглись психотропному или психотронному воздействию? Их ошибочно называют шахидами, но, согласно мусульманским богословам, шахидами можно считать павших в открытом бою, а также людей, погибших при защите своего имущества, при пожаре, утонувших и погребенных под развалинами строений, умерших от болезней, и даже женщин, умерших при родах. Но обо все этом надо говорить более внятно.

Конечно, в средние века христиане в Европе не очень жаловали друг друга, сжигая на кострах еретиков и тех, кого обвиняли в колдовстве и некоторых других «грехах». На Руси старообрядцев не сжигали на кострах, но нещадно преследовали. К слову сказать, гонимые официальной церковью и властью поборники старого обряда проявили примерно же такую же конфессиональную солидарность, приспособляемость к ситуации, страсть к науке и стремление быть в числе лучших, как и гонимые веками евреи. Так, из относительно небольшой по численности общины старообрядцев вышли предприниматели Морозовы, Рябушинские, Тучковы, Солдатенковы, Хлудовы, Коноваловы, Носовы и многие другие.

О роли ислама в современном Узбекистане в парадигме опасности-безопасности говорится и в статье ведущего научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН Сергея Абашина «Повседневные опасности в Узбекистане». Несомненный интерес представляет статья сотрудника ИВ РАН Федора Попова «Право на сецессию как новый элемент групповой и индивидуальной безопасности: критика основных концепций». Только эта тема настолько сложная, что скороговоркой тут не отделаешься, требуется отдельный разговор.

Что же касается понятия безопасности в христианской религии и, в частности, в православии, то, как пишет сотрудник ИВ РАН Сергей Филатов в статье «Безопасность в социальной доктрине и практической политике Русской православной церкви», понятие безопасности связано с верой в Бога. «Предельно упрощенно можно сказать: чем больше веры в Христа Спасителя, тем больше безопасности». Это если очень коротко. Подробно же анализировать эту очень интересную статью не позволяет жанр рецензии...

Впрочем, из-за невозможности объять необъятное за рамками этого обзора остались еще ряд интересных статей и других ученых. ▲

Р.С. Ученые Института востоковедения РАН провели в октябре прошлого года международную конференцию с широким участием зарубежных ученых на тему «Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления и концепции». Стало быть, на очереди появление нового сборника, в котором будут отражены различные стороны безопасности человека, общества и государства. И поскольку эта тема актуальная и многогранная, то, скорее всего, ее изучение и освещение будет продолжаться. В том числе и на страницах журнала «Геополитика».